

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Год издания шестой

9

1962

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ТАШКЕНТ

Б. МАННАНОВ

**ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-ИРАНСКИХ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ
ОТНОШЕНИЙ ЧЕРЕЗ ТУРКЕСТАН (КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО
XX ВЕКА)**

До присоединения Средней Азии к России торгово-экономические отношения среднеазиатских ханств с северо-восточными областями Ирана осуществлялись редкими караванами, пути которых между Бухарой и Мешхедом проходили через Герат, а между Хивой и Астрабадом — через Гюмуш-тепе. В связи со сложной политической обстановкой на ирано-среднеазиатской границе число караванов становилось все меньше, и накануне присоединения Туркестана к России торговля Ирана с ханствами почти прекратилась. А в результате на рынках Северо-Восточного Ирана перестали поступать те небольшие партии русских фабричных изделий, которые привозились сюда торговцами из Бухары и Хивы.

Положение в корне меняется после того, как Россия, присоединив Южную Туркмению, вплотную подошла к границам Ирана.

Начинает развиваться непосредственный русско-персидский товарообмен через Среднюю Азию, объем которого особенно быстро возрастает после проведения в крае железных дорог, в частности Закаспийской, которая «стала «открывать» для русского капитала Среднюю Азию...»¹

Одновременно русские власти в Закаспии проводят ряд мероприятий по улучшению путей сообщения с северо-восточными провинциями Ирана. В 1886 г. было подписано «техническое соглашение о проведении колесного пути между Асхабадом и Кучаном»², продолженного до административного центра Хорасана — г. Мешхеда. Товары перевозились в крытых фургонах³. Вдоль дороги через определенные расстояния были построены постоянные дворы и караван-сарай⁴.

После сооружения железной дороги в Туркестане русская буржуазия, ранее смотревшая с недоверием на перспективы торговли с Ираном через Среднюю Азию, стала выступать за развитие этой торговли. Появляются разные проекты улучшения путей между Асхабадом и Мешхедом. Так, в 1887 г. петербургский купец Николаев предложил Военному министерству свой план «об устройстве и эксплуатации шоссейных дорог и военно-железной дороги от Асхабада на Мешхед»⁵.

Подобные устремления частных предпринимателей были не случайным явлением, а вызывались хорошими перспективами развития

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 5, стр. 74.

² ЦГВИА СССР, фонд Азиатская часть, 400, л. 98, всеподданнейшая записка военного министра от 22 ноября 1888, л. 51.

³ «Обзор Закаспийской области за 1890—1896 гг.», Асхабад, 1897, стр. 413.

⁴ Diplomatic and consular Reports on trade and finance, N 976, Persia. Report for the year 1890—91 on the trade of the consular district of Meshed, London, 1892, p. 12.

⁵ ЦГВИА СССР, фонд Азиатская часть, 400, д. 19, л. 12.

русско-иранской торговли через Среднюю Азию. Об этом красноречиво говорят следующие цифры: в 1890 г. через Закаспий в Хорасан (сухим путем) было вывезено товаров на 3345 тыс. руб., а в 1893 г. — на 5653 тыс. руб.⁶

На рынки Северо-Восточного Ирана из России завозились ситцы, полусукно, белая и цветная кисея, репс, ластик, плис, белый коленкор, бязь, медь, железо, посуда, ламповое стекло, замки, ножи, бумага, карандаши, сахар, керосин, спички и другие фабричные товары, которые быстро раскупались иранцами.

Одновременно увеличивается ввоз товаров из Ирана в Среднюю Азию. Так, в 1890 г. по сухопутной границе сюда было ввезено товаров на 4490 тыс. руб., а в 1893 г. — на 7837 руб.⁷

В расширяющемся ассортименте товаров, ввозимых из Ирана в Среднюю Азию и Центральную Россию, ведущее место занимает хлопок. В 1890 г. из Хорасана в Россию было ввезено 155 609 пудов хлопка, а в 1892 г. — 258 151 пуд⁸. Из пограничных районов Северного Хорасана на рынки Закаспийской области, прежде всего в Асхабад, поступало все больше продуктов питания (мяса, масла, свежих фруктов и т. д.), а также бирюзы, которая по словам иранского экономиста Али Джамаль-заде, «добывалась в Хорасане издавна и считалась лучшей в мире»⁹.

Стремясь обеспечить Закаспийскую область дешевым продовольствием и укрепить позиции России в экономике Ирана, русские власти не устанавливали пошлины на продукты питания, ввозимые из Ирана. Это способствовало оживлению торговли между жителями приграничных районов Северного Хорасана и Закаспийской области. «Яйца, домашняя птица, коровье масло и тому подобные вещи, — писал англичанин Иет, отмечая увеличение продажи этих товаров персами на рынках Закаспия, — также направлялись в Асхабад для продажи. Люди говорили, что раньше они имели обыкновение возить эти продукты в Кашан, но кашанцы там всегда старались обмануть их и они поэтому предпочитали иметь дело с русскими»¹⁰.

После присоединения Средней Азии к России большие изменения происходят и в экономических отношениях Бухарского и Хивинского ханств с Ираном. Если ранее Хива и Иран обменивались за год лишь одним-двумя случайными караванами¹¹, то в 1892 г. только через Кара-Калинское приставство Закаспийской области в Иран прошло 17 хивинских караванов, состоявших из 540 верблюдов с товарами, стоимостью около 7 000 руб.¹² Из Бухарского ханства после превращения его в протекторат царской России ежегодно вывозилось в Иран до 4 000 связок каракуля и до 20 тыс. связок шелковых платков (калган), а из Ирана в Бухару поступало мануфактуры — до 130 кип, москабельных товаров — до 9 000 пудов, кож (хамадани) и шкурок (лисьих, мерлушки и др.) — до 120 кип¹³. Как в Хиву, так и в Бухару через Иран поступало также большое количество индийского чая. Так, в

⁶ «Обзор Закаспийской области за 1890—1896 гг.», стр. 465—466.

⁷ Там же.

⁸ А. Ф. Губаревич-Радобильский, Значение Туркестана в торговле России с сопредельными странами в Азии, СПб., 1912, стр. 198.

⁹ 68 محمد علی جمالزاده گنج شایمگان و اوضاع اقتصاد ایران تهران، ۱۳۲۵ ص (далее Джамаль-заде, указ. соч.).

¹⁰ С. Е. Yate, Khorasan and Sistan, Edenburg, 1900, p. 185.

¹¹ А. В ам б е р и, Путешествие по Средней Азии, М., 1867, стр. 354.

¹² «Обзор Закаспийской области за 1890—1896 гг.», стр. 252.

¹³ «Сборник материалов по Азии», вып. 33, СПб., 1888, стр. 2.

1894 г. стоимость индийского чая, поступившего в Бухару, составила 752 200 руб.¹⁴

Следует отметить, что с первых же шагов установления непосредственных торгово-экономических отношений с Ираном через Среднюю Азию Россия столкнулась с упорным противодействием Англии, стремившейся упрочить свои торгово-экономические позиции в Северо-Восточном Иране. Англо-индийские товары долго занимали господствующее положение на рынках Хорасана и прилегающих районов.

Для обеспечения конкурентоспособности русских фабрично-заводских изделий на иранских рынках русское правительство начинает практиковать поощрения купцам (возврат вывозной пошлины, премии и др.) за вывоз через Среднюю Азию в Иран таких товаров, как сахар и различная мануфактура. В первые годы эти меры дали большой эффект. Например, вывоз сахара и сахарного песка в Хорасан через Асхабад и Душак составлял в 1889 г. — 113 000 пудов, в 1890 г. — 166 000 и в 1891 г. — 169 000 пудов¹⁵.

Жители северо-восточных провинций Ирана получали русские товары «с понижением цен на 14 или даже на 40%, например, сахар, тогда как бухарский или русский подданный должны были платить за сахар, керосин и мануфактуру значительно дороже»¹⁶. Это позволило ведущим товарам русского ввоза в Хорасан успешно вытеснять оттуда идентичные английские изделия.

Однако из-за отсутствия единой таможни и строгого надзора за перевозкой товаров через границу эта мера русских властей не всегда оправдывала себя. Дешевые премированные товары нередко перевозились тайком обратно в Среднюю Азию. Поэтому в 1892 г. Министерство финансов отменило выдачу премий за сахар и мануфактуру, экспортируемые в Иран через Среднюю Азию, что тотчас отразилось на ввозе их в Хорасан. Теперь русские товары отправлялись в Иран морем на Гязский берег и Шахруд, где русскими торговцами были построены большие удобные склады для хранения товаров.

По сообщению русского генерального консула в Хорасане, эта мера вызвала «повышение цен на русские товары на хорасанских рынках, и стало невозможно для них успешно конкурировать с европейскими товарами»¹⁷.

Все это встревожило торгово-промышленные круги России, заинтересованные в расширении русско-иранской торговли через Среднюю Азию. Поэтому после включения Бухары и Хивы (с 1 июля 1894 г.) в общероссийскую таможенную линию и установления твердого надзора за перевозкой товаров на закаспийско-иранской границе был восстановлен возврат пошлины для сахара и хлопчатобумажных тканей, вывозимых в Северо-Восточный Иран, что сразу же привело к росту импорта этих товаров в указанные районы. Так, в 1895 г. туда было ввезено хлопчатобумажных товаров на 260 000 руб., а в 1898 г. — уже на 2 261 000 руб.¹⁸

В последующие годы русские власти предприняли и другие меры к расширению торговли с Ираном, в том числе: урегулирование денежного курса крана; открытие в 1902 г. отделения Учетно-ссудного банка в Мешхеде; улучшение связи между основными административно-тор-

¹⁴ Е. Я. Люстерник, Русско-индийские экономические связи в XIX в., М., 1958, стр. 55.

¹⁵ А. Ф. Губаревич-Радобыльский, указ. соч., стр. 185.

¹⁶ Там же, стр. 146.

¹⁷ ЦГА УзССР, ф. И-2, оп. 1, д. 24, л. 374.

¹⁸ «Обзор Закаспийской области за 1898», Асхабад, 1900, стр. 181.

говыми центрами Закаспия и Северо-Восточного Ирана; открытие в Мешхеде Российского генерального консульства и консульств в некоторых городах Хорасана (и одновременно — торгового представительства Ирана в Асхабаде) и др.

К этому времени Асхабад превратился в важный промежуточный пункт по перевозке товаров из Центральной России и среднеазиатских ханств в северо-восточные районы Ирана и обратно. Здесь размещаются коммиссионно-посреднические конторы и представительства многих российских торгово-промышленных фирм и компаний («Восточного общества товарных складов», «Российского транспортного и страхового общества», «Кавказ и Меркурий», «Гергард и Гей», «Товарищества русско-французских заводов», «Проводник» и др.)¹⁹, а также Государственного банка (1895), Учетно-ссудного банка Персии (1899), Русско-Азиатского банка (1905)²⁰. Большая часть этих учреждений была непосредственно связана с русско-иранской торговлей.

Россия прочно заняла ведущее место в импорте и экспорте Ирана. Так, Джамаль-заде писал, что «как в отношении импорта, так и в отношении экспорта Россия занимала первое место»²¹. В 1900—1901 гг. торговые обороты с Россией занимали в экспорте и импорте Ирана 38%, а в 1910 — 1911 гг. — уже 59%²².

К этому времени главной статьей иранского экспорта окончательно становится хлопок, на долю которого приходится 1/5 часть стоимости иранского вывоза. Хорасан занимал в экспорте хлопка в Россию первое место среди остальных провинций Ирана. Даже в 1891 г., когда хлопок еще не был ведущей статьей иранского экспорта, из 330 901 пуда хлопка, вывезенного в Россию, 166 515 пудов было вывезено из Хорасана через закаспийско-иранскую границу. А к 1910 г. только через Туркестан было вывезено 362 286 пудов хлопка, что намного превысило общий вывоз его из Ирана за 1891 г.²³

Представители русских фирм, закупавших персидский хлопок, были заинтересованы как в увеличении его производства, так и в улучшении качества. Поэтому крупные мануфактуристы Закавказья и Центральной России, имевшие торговые связи с Персией, «обратив серьезное внимание на эту отрасль промышленности, вложили в нее немало капиталов в целях развития и улучшения культуры хлопчатника в Мазандаране и Хорасане»²⁴.

Русские фирмы начали поощрять иранских землевладельцев, расширяющих площадь посевов хлопчатника, давали им льготные кредиты для улучшения оросительных систем и освоения заброшенных земель, ввели в практику контрактацию посевов хлопчатника, выдавали «задатки под будущие урожаи деньгами и товарами, поощряя в населении развитие хлопководства даровыми ссудами американских семян, маленькими подарками местным властям, старшинам селений и пр.»²⁵.

В результате этих мероприятий в Хорасане и соседних с ним районах были восстановлены и сооружены новые системы кяризного орошения, что способствовало подъему производительности сельского хозяй-

¹⁹ В. Г. Жмуйда, Ашхабад, М., 1957, стр. 20.

²⁰ История Туркменской ССР, т. 1, кн. 2, Ашхабад, 1957, стр. 158.

²¹ Джамаль-заде, указ. соч., стр. 189.

²² А. Хашаб, Экономическое положение современной Персии, «Мир Ислама», т. I, № 2, СПб., 1912, стр. 160.

²³ Джамаль-заде, указ. соч., стр. 17.

²⁴ Внешняя торговля Персии и участие в ней России за 1912/13, СПб., 1914, стр. 48.

²⁵ Л. К. Артамонов, Астрабад-Шахрудский район и Северный Хорасан, ч. I, Тифлис, 1894, стр. 246.

ства этих областей и улучшению качества продукции, прежде всего хлопка. Одновременно растет вывоз шерсти, шкур, продуктов питания и других персидских товаров на рынки Средней Азии и Центральной России.

В то же время усиливается ввоз в Северо-Восточный Иран русско-го сахара и мануфактуры, занявших монопольное положение на местном рынке²⁶. Если в 1870 г. Россия ввезла в Иран хлопчатобумажных тканей на 224 тыс. руб., то в 1880 г. — на 1158 тыс. руб., а в 1910 г. — уже на 13 млн. руб. В 1910 г. через Среднюю Азию в Хорасан поступило 66 500 пудов мануфактуры на 232 700 тыс. руб.²⁷

Масштабы товарооборота России с Ираном превышали объем ее торговли с другими соседями Средней Азии — Афганистаном и Синьцзянской провинцией Китая. Это видно, например, из следующих данных о размерах торговых операций России через Туркестан с указанными странами за 1909 г. (тыс. руб.)²⁸:

	вывоз	ввоз
по афганской границе	3139	4439
по китайской " "	2691	6808
по персидской " "	6709	8208

Следует отметить, что приведенные выше официальные данные о торговле с Ираном не отражают те торговые операции, которые почти ежедневно осуществлялись жителями пограничных районов Ирана в Средней Азии, привозившими на продажу продукты питания и закупавшими в среднеазиатских городах необходимые им промышленные товары.

Итак, мы видим, что торгово-экономические отношения через Среднюю Азию к началу XX в. занимают одно из ведущих мест в товарообмене между Россией и Ираном.

Как известно, к концу XIX в. Иран постепенно превращается в полуколонию европейских держав, главным образом Англии и России. Подчинение ведущих отраслей экономики страны требованиям монополий империалистических государств наиболее ярко проявляется во внешней торговле, структура которой показывает, что Иран становится аграрно-сырьевым придатком капиталистической промышленности указанных стран. Наводнение иранского рынка фабрично-заводскими товарами европейских государств тормозило развитие национальной промышленности, подрывало кустарно-ремесленное производство в Иране. Так, английский консул в Астрабаде в своем отчете за 1909 г. отметил, что «местные отрасли производства — мыловарение, изготовление войлока и шелководство не заслуживают теперь даже упоминания»²⁹. Многочисленные ткацкие мастерские, изготовлявшие грубые ткани из хлопка и шерсти, стали закрываться, ибо местное население начало «все более и более одеваться в фабричные ткани, не покупая своих бумажных изделий»³⁰.

К концу XIX в. произошли существенные изменения и в сельском хозяйстве Ирана, что было вызвано усилением спроса на его сырье со

²⁶ А. Ф. Губаревич-Радобыльский, указ. соч., стр. 182.

²⁷ Там же, стр. 190.

²⁸ См. С. И. Гулишамбаров, Экономический обзор Туркестанского района, обслуживаемого Среднеазиатской железной дорогой, ч. 1, Асхабад, 1913, стр. 98.

²⁹ Diplomatic and consular Reports on trade and finance, N 4398, Annual series, Persia, London, 1910, p. 32.

³⁰ А. Ф. Губаревич-Радобыльский, указ. соч., стр. 27.

стороны европейских государств. Быстро увеличивается производство технических культур, особенно хлопка. К концу XIX в. большая часть поливных площадей оказалась занятой под хлопчатником. Рост русско-иранских торгово-экономических отношений через Туркестан способствовал развитию товаро-денежных отношений в северо-восточных провинциях Ирана, что особенно ярко проявляется в развитии товарного хлопководства.

Следует отметить, что местные правители в Иране безнаказанно чинили всякий произвол и насилия над своими подданными; подкупленные иностранцами (в данном случае российскими монополиями), эти правители лишали крестьян права «продавать хлопок, остающийся у них после оплаты малиата (налога.— Б. М.), на рынках или куда-либо на сторону и представляли свою скупку только крупным фирмам, вследствие чего последние тотчас же расценивали хлопок крестьян на 2 — 2,5 руб. дешевле рыночной цены. Половину этой разницы получал хан за заключенное условие»³¹.

Усиление господства иностранных монополий в экономике Ирана усугубляло зависимое положение страны, которая к этому времени, по меткому выражению В. И. Ленина, на девять десятых уже являлась колонией³². Основная масса иранского населения — крестьяне оказались под двойным ярмом местных и чужеземных угнетателей. Разорение и обнищание крестьянства приняло массовый характер, что и явилось одной из важнейших причин революции 1905—1911 гг.

Вместе с тем надо сказать, что русско-иранской торговле через Туркестан были присущи особые моменты, отличавшие ее от торговых отношений Ирана с Англией.

Торговые обороты северо-восточных провинций с Россией через Среднюю Азию характеризовались неизменной активностью в пользу Ирана, тогда как торговые связи его с другими странами, прежде всего с Англией и Индией, всегда имели пассивный баланс. Указывая на это ненормальное положение, Джамаль-заде писал, что «иранский экспорт в Англию и Индию составляет пятую часть импорта этих двух государств в Иран»³³.

В русско-иранской торговле во многих случаях почти одинаково выигрывали обе стороны, что же касается торговых операций через Туркестан, то характерной чертой их был неизменный актив в пользу Ирана. По данным отчета английского генерального консула в Хорасане за 1908 г., вывоз России в Хорасан составил тогда 616 312 фунтов стерлингов, а ввоз из Хорасана — 916 380 фунтов стерлингов. Английский консул признает, что это явление «может с полным успехом составить предмет законного удовлетворения для персов Хорасана, торговля которых год от года обнаруживает тенденцию к неуклонному подъему, особенно там, где дело касается экспорта»³⁴. В 1913/14 г. Россия ввезла в Хорасан товаров на 10 644 тыс. руб., а вывезла на 11 430 тыс. руб., тогда как ввоз Англии и других стран в Хорасан выразился в 724 тыс. руб., а вывоз — 176 тыс. руб.³⁵

С другой стороны, эквивалентом за русские промышленные товары, вывозимые в северо-восточные районы Ирана, были местное сырье, скот и отчасти товары кустарного производства, а за импортные това-

³¹ В. Б. Бессонов, Северные провинции Персии, Пг., 1917, стр. 46.

³² В. И. Ленин, Сочинения, т. 21, стр. 309.

³³ Джамаль-заде, указ. соч., стр. 9.

³⁴ Diplomatic and consular Reports on trade and finance, N 4162, Persia, Report for the years 1907—08 on the trade of Khorasan, London, 1908, p. 14.

³⁵ ЦГТА ТуркМССР, ф. 2, оп. 1, д. 231, л. 58.

ры из Англии и других стран приходилось расплачиваться прежде всего золотом и серебром. «Русские одержали верх потому, — писал французский журналист В. Берар, — что их рынок мог жить обменом с этими базарами...»³⁶.

Необходимо отметить также, что в торговом обороте через Среднюю Азию активное участие принимали иранские подданные. Почти во всех крупных городах Туркестана выходцы из Ирана вели значительную торговлю персидскими и русскими товарами. Особенно много иранцев торговало в Асхабаде, игравшем важную роль в русско-иранской торговле. Иранские купцы имели там немало магазинов и лавок, открытых круглый год. Они поддерживали непосредственную связь и с более отдаленными городами России, как Нижний Новгород и Москва.

«... Купцы из Северной Персии, — писал британский консул в Ситане майор Тренч, — не только покупают товары при посредстве московских фирм, но благодаря близости русской границы и сами принимают для выбора товаров путешествия в Нижний Новгород и даже Москву»³⁷. Особенно часто посещали они крупные торговые ярмарки, ежегодно устраиваемые в этих городах. «Торговцы Ирана и Турана, — отмечал Мирза Сираджиддин, — ежегодно приезжают в Москву в ярмарочное время для купли и продажи. Они продают хлопок, шерсть, кожу, шелк и другие товары, а что остается, сдают комиссионтам и взамен покупают нужные им товары»³⁸.

В русско-персидской торговле через Туркестан участвовали и многие среднеазиатские купцы, как бухарские караван-баши Абдурауф Азизов и Абдулгани Арапов, крупные кокандские торговцы Хамиджан Мухамеджанов, Мусахан Мусаханов, Дадаходжа Падшаходжаев, Ибрагимджан Ахунджанов³⁹. Купцы — выходцы из Средней Азии — служили также в представительствах русских фирм в городах Северо-Восточного Ирана. Например, Мирза Сираджиддин сообщает, что он встретил в Мешхеде двух своих друзей — бухарцев Джура-бая и вымы агентами. — Б. М.), представлявшими управление одной большой торговой фирмы, занимающейся закупкой каракулевых и козых шкур»⁴⁰.

Итак, присоединение Средней Азии к России привело к установлению непосредственных торгово-экономических отношений России с Ираном через Туркестан, что способствовало укреплению и расширению экономических связей между обоими государствами. Одновременно происходит нормализация и улучшение торгово-экономических связей Средней Азии с Ираном. Характерной особенностью этой торговли было то, что в Иран через Среднюю Азию ввозились главным образом фабрично-заводские товары, а вывозилось в основном сельскохозяйственное сырье.

Проникновение английских, российских и иных монополий в экономику Ирана вело к усилению зависимого положения страны и превращению ее в аграрно-сырьевой придаток развитых капиталистических стран.

³⁶ В. Берар, Персия и персидская смута, б. м., 1912, стр. 62.

³⁷ Борьба за рынки в Персии, «Туркестанские ведомости», 1901, №2.

³⁸ 108—109. ص 1915 تحف اعمل بخارا، (далее Мирза Сираджиддин, указ. соч.).

³⁹ ЦГВИА СССР, фонд Азиатская часть, 400, оп. 260/910, д. 13, л. 108.

⁴⁰ Мирза Сираджиддин, указ. соч., стр. 131.

Однако русско-иранские торгово-экономические отношения через Туркестан отличались рядом особенностей, оказывавших в известной мере благоприятное воздействие на экономику Северо-Восточного Ирана.

Во-первых, повышение спроса российского рынка на основные продукты сельского хозяйства северо-восточных провинций Ирана, особенно на хлопок, вело к росту сельскохозяйственного производства в указанных районах.

Во-вторых, с установлением русской власти в Закаспии население соседнего Хорасана получило широкие возможности для сбыта продуктов сельского хозяйства в Средней Азии.

В-третьих, русско-иранская торговля через Среднюю Азию велась при неизменно активном балансе в пользу Ирана, чего не наблюдается в его торговле с другими странами.

В-четвертых, в этой торговле широкое участие принимало иранское купечество, получавшее от нее немалые прибыли.

Таковы некоторые характерные черты и особенности русско-иранских торгово-экономических связей через Туркестан, получивших значительное развитие в конце XIX — начале XX в.

Б. Маннонов

ТУРКИСТОН ОРҚАЛИ ОЛИБ БОРИЛГАН РУС-ЭРОН САВДО-ИҚТИСОДИЙ АЛОҚАЛАРИ ТАРИХИДАН (XIX АСР ОХИРИ — XX АСР БОШИ)

Мақола Ўрта Осиё Россияга қўшилгандан кейин Туркистон орқали олиб борилган рус-эрон савдо-иқтисодий муносабатлари тарихига бағишланган. Унда турли архив фактлари, инглиз ва форс тилидаги манбалар асосида ана шу савдо-иқтисодий муносабатларнинг ўзига хос баъзи хусусиятлари талқин қилинади.

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

1988

9

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

Таким образом, выявленные на Еркургане материалы позволяют расширить наши представления как о культовых объектах, так и о гончарном производстве древнего Согда.

М. Х. Исамиддинов

ПО СТРАНИЦАМ АРХИВОВ

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ О РОЛИ СРЕДНЕЙ АЗИИ В ТОРГОВЛЕ РОССИИ И ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В фондах ЦГА УзССР сосредоточено большое количество материалов, относящихся к истории взаимоотношений Средней Азии с соседними странами. Среди них немало сведений и о роли этого региона в международных торговых связях.

Сама постановка вопроса о роли Средней Азии в торговле России с соседними странами: Индией, Ираном, Афганистаном, Восточным Туркестаном и др. — отнюдь не нова. Об этом говорится в работах ряда авторов¹. Однако вопрос этот не получил еще должного освещения в нашей литературе. Не изучены пока в достаточной мере и богатые архивные материалы, в частности из фондов Центрального государственного архива (ЦГА) УзССР.

Конечно, документы из этого и других архивохранилищ отнюдь не остались вообще вне поля зрения исследователей, изучавших историю взаимоотношений Средней Азии с соседними странами. Так, они были использованы в работах Х. З. Зияева², Э. М. Мамедовой³ и др.

Однако, как показало внимательное изучение архивных материалов, Э. М. Мамедовой, например, использованы в основном данные по торговле Туркестана и Восточного Туркестана, а архивные источники, раскрывающие роль Средней Азии и ее купечества в торговле России и Восточного Туркестана (некоторые документы из фондов 1, 17, 19), автором не использованы, ибо это не входило в ее задачу. Между тем за последнее время обнаружены различные материалы типа прошений, протоколов, донесений, списков купцов, которые полнее освещают роль Средней Азии и ее купечества в торговле России и Восточного Туркестана во второй половине XIX в.

Прежде чем говорить о значении архивных материалов, раскрывающих роль Средней Азии и ее купечества в торговле России с Восточным Туркестаном во второй половине XIX в., надо хотя бы вкратце остановиться на посреднической роли среднеазиатского купечества более раннего периода. Известно, что торговые связи России с Восточным Туркестаном длительное время не были стабильными из-за постоянных столкновений между среднеазиатскими ханствами, междоусобных войн, опасности путей, грабежей караванов на дорогах и т. п. Все это вело к тому, что русским купцам приходилось прибегать к помощи посредников — купцов из восточных стран, через которых и стали налаживаться первые связи России с Восточным Туркестаном⁴.

Посредники участвовали в торговых отношениях России с Восточным Туркестаном и после того, как Россия освоила Сибирь, и, таким образом, русские владения приблизились к Восточному Туркестану. При этом во все периоды торговля зачастую велась среднеазиатскими купцами.

Эта посредническая роль среднеазиатского купечества оставалась важной и в первой половине XIX в., так как дальнейшему успешному развитию торговли в регионе мешало отсутствие межгосударственных торговых правил. Поэтому и обращались к помощи среднеазиатских купцов, которые вели традиционную торговлю с Восточным Туркестаном. Этому способствовали отсутствие языкового барьера, наличие многих общих черт в обычаях и нравах народов Средней Азии и Восточного Туркестана.

Только в 1851 г. Кульджинским договором была установлена беспопылиная меновая торговля Семиречья с Восточным Туркестаном (в двух пунктах — Кульдже

¹ См., напр.: Байкова Н. Б. Роль Средней Азии в торговле России и Индии. Ташкент, 1964; Сладковский М. И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М., 1974; Гуревич Б. П. Международные отношения в Центральной Азии (в XVII — первой половине XIX в.). М., 1983; Кузнецов В. С. Экономическая политика Цинского правительства в Синьцзяне. М., 1973.

² Зияев Х. З. Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI—XIX веках. Ташкент, 1983.

³ Мамедова Э. М. Из истории торговых отношений Туркестана и Синьцзяна (1850—1917 гг.) // Научные работы и сообщения. Кн. 4. Ташкент, 1961. С. 363—371; Ее же. Из истории взаимоотношений народов Туркестанского края с Синьцзяном: Ркп. канд. дис. Ташкент, 1963.

⁴ Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения. М., 1977. С. 16.

и Чугучаке). Этим было положено начало двусторонней торговле на равноправных началах⁵. Во второй половине XIX в., после присоединения Средней Азии, владения Российского государства стали непосредственно граничить с Восточным Туркестаном. И в этих условиях посредническая роль среднеазиатского купечества, хорошо знавшего условия Восточного Туркестана, сохраняла свое значение.

В 70-х годах в связи с усилением антицинской борьбы в Восточном Туркестане, в результате которой образовалось государство Йэйтишар⁶ и этот район вышел из-под контроля Цинской империи, торговые отношения между Россией и государством Йэйтишар стали постепенно налаживаться и вошли в нормальное русло. Об этом, в частности, свидетельствует хранящееся в архиве письмо правителя Йэйтишара Якуб-бека на имя туркестанского генерал-губернатора, где сказано: «Я искренне желаю пользоваться спокойствием, и Вы поэтому можете быть уверены в истинной к Вам дружбе, все пути для торговли будут открыты»⁷. В ответ на это туркестанская администрация ставила вопрос об открытии местных рынков для русского купечества.

Итак, к моменту заключения Петербургского договора (1881) складываются условия для расширения торговых связей между Россией и всей территорией Восточного Туркестана. По договору, китайское правительство предоставило Русскому государству возможность беспошлинной торговли в Кульдже, Чугучаке и Кашгаре, а также права транзита товаров через территорию Восточного Туркестана в города внутреннего Китая — Сучжоу и Тяньцзинь. Это давало возможность развития сухопутной торговли не только на территориях, вошедших в сферу влияния Цинской империи, но и в глубинных районах собственно Китая. По условиям договора, была уменьшена пошлина на вывоз из Восточного Туркестана чая низких сортов (кирпичный, низкие сорта байхового чая), поставлявшихся в большом количестве через Кяхту.

После заключения Петербургского договора русско-синьцзянский товарооборот заметно вырос. Так, в 1893 г. он оценивался в 58 млн. руб. и составил 15% общей суммы русско-китайского товарооборота⁸.

Особенно успешно развивались торговые отношения Туркестанского края с Синьцзяном, в которых по-прежнему активно участвовало среднеазиатское купечество, торговавшее не только своими, но и русскими товарами. Так, среди товаров среднеазиатских купцов видное место занимали как шелковые ткани, шерстяные материалы, войлок, так и русское сукно, белье, ситцы⁹.

По архивным данным, среднеазиатские купцы торговали в Кашгаре русскими товарами, купленными на Ирбитской ярмарке. В 1866 г. только в Ташкент через Петропавловск было ввезено русских товаров на 1 535 111 руб.¹⁰; значительная часть их была приобретена на Ирбитской ярмарке. Это были бязи, тик, мыткали, сукна, бархат, алачи, сатин, кисея, халаты, платки, нитки, кожа, железные и медные изделия, краски, бумага писчая, спички, сундуки, часы, свечи, гребни, зеркала, зонтики, золотые изделия, деревянные изделия, веревки, меховые товары, перо, икра, кофе, сахар, мед и др.¹¹ Затем значительная часть этих товаров была направлена в Кашгар.

Судя по архивным материалам, из Восточного Туркестана среднеазиатские купцы в основном вывозили китайский чай и бязь¹². Общий оборот внешней торговли по китайской границе в пределах Туркестанского таможенного округа выразился в 1896 г. в 3 198 171 руб., из них ввоз составил 1 870 398 руб., а вывоз — 1 327 773 руб.¹³ Среди ввозимых из Восточного Туркестана товаров, помимо бязи и чая, были также ковры, войлоки, сухофрукты, золото, серебро в ямбах (слитках), свинец и т. д.

Архивные материалы позволяют выявить главные перевалочные пункты в торговле обеих стран. Транзитная караванная дорога шла через Нарын, Коканд, Фергану, Ош, Маргелан и отдельной веткой — через Ташкент. Караваны проходили главным образом через перевалы Зардалы (Кокандский уезд), Каракандык (Маргеланский уезд), Терек-даван, Шарт, Аргат и Талдык (Ошский уезд). Торговля ве-

⁵ Мамедова Э. М. Из истории торговых отношений Туркестана и Синьцзяна (1850—1917 гг.). С. 364.

⁶ Ранее в русской исторической литературе было принято писать «Джеты шаар». В последнее время в ряде работ его принято называть «Йэйтишар». См.: Иси-ев Д. А. Уйгурское государство Йэйтишар (1864—1877). М., 1981; История народов Восточной и Центральной Азии. М., 1986. С. 452.

⁷ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 27, д. 6, л. 89а.

⁸ Сладковский М. И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М., 1974. С. 275.

⁹ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 11, д. 827, л. 11а, б, 12а, 14а.

¹⁰ Зияев Х. З. Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI—XIX вв. Ташкент, 1983. С. 146.

¹¹ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 16, д. 207, л. 32.

¹² Там же, д. 207, 1319.

¹³ Там же, оп. 1, д. 1319, л. 12—13.

лась также через Семиречьё, Иссыккульский уезд и г. Нарын. Чай зеленый и кирпичный ввозился через Иркештамский переходный пункт¹⁴.

По архивным источникам можно установить номенклатуру и количество ввозимых и вывозимых товаров из России и Средней Азии в Восточный Туркестан и обратно. Например, в 1888 г. через Иркештамский таможенный пункт в Кашгар вывозились сукно, сатин, алачи, кисея, халаты, платки, железные и медные изделия и др.¹⁵ За 1888—1892 гг. через этот пункт было вывезено товаров на 440 097 руб. Среди них — медные, чугунные, железные, деревянные изделия, шелковые, шерстяные материалы, сукно, войлок, белье, опилки и т. д.¹⁶

Аналогичные товары вывозились в пределы Кашгара через Нарынскую и Иссыккульскую таможни. Например, в 1890 г. через Нарынскую таможню было вывезено товаров на 140 399 руб., в 1891 г. — на 136 207 руб., а в 1892 г. — на 210 352 руб. Через Иссыккульский таможенный участок было вывезено товаров в 1891 г. на 64 077 руб., а в 1892 г. — на 63 169 руб.¹⁷

Как видно из сказанного, роль Средней Азии и ее купечества в торговле России и Восточного Туркестана была весьма значительной. Однако эти торговые отношения в ряде случаев резко осложнялись тем, что цинские войны, чиновники, а иногда и пограничная служба препятствовали торговым операциям. Об этом свидетельствуют, например, протоколы, прошения торговцев о возмещении убытков, нанесенных цинскими войсками в 1877 г. В этих документах, однако, главное для нас — не факт просьбы о возмещении убытков, а сведения о номенклатуре товаров, которыми торговали среднеазиатские купцы, и их адреса (наманганские, ошские, ходжентские, маргеланские, кокандские), свидетельствующие о том, что это — выходцы из Средней Азии, находившиеся в Кашгаре по торговым делам. Например, из прошения Мухаммад Салих-бая видно, что в 1877 г. у него захватили 32 верблюда, лошадей с седлами, шубы, меха, русского ситца и ваты на 2820 руб.¹⁸ В другом документе ошский житель Пыр Мухаммад Авазов писал: «В 1877 г., услышав, что китайцы (цинские войска) приближаются к Кашгару, где в то время я проживал по торговым делам, опасаясь как бы китайцы (цинские войска) не причинили какого-либо вреда, собрал все свое имущество и выехал из г. Кашгара в сторону Оша. Так как выехал поздно, то пришлось сделать остановку и ночевать в селении Сарман. Ночью напали китайцы (цинские войска) и ограбили все, что было. Среди ограбленных было 12 лошадей, навьюченных шелком, кошмами, четками, всего на триста пятьдесят два тилля»¹⁹. Аналогичные факты приводятся и в десятках других прошений²⁰.

О посреднической роли среднеазиатских купцов в торговле России и Восточного Туркестана говорят и протоколы, фиксирующие результаты разбора заявлений о возмещении убытков. Вот протокол от 1877 г.: «Аба-хан торговец товарами за два года до занятия Кашгара цинскими войсками (1875 г.) поселился в Кашгаре в Янги-Гисаре, торговал аршинными товарами, по преимуществу — русскими ситцами. Всего товаров на 2 тыс. 526 руб. Среди товаров были русские ткани, шерсть, ковры и 9 ямб»²¹. Другой пример — прошение маргеланского купца Мулла Юлдашбая, находившегося в Кашгаре во время прихода цинских войск и потерпевшего убытки от тех событий. В своем прошении он показал, что «у него ограбили в Кашгаре 13 больших серебряных ямб, 3000 кашгарских тенге, 8 лошадей, 12 китайских чашек, 8 ковров, 4 кппы одеял из русского ситца, 2 медных котла, 400 кусков кашгарской хаты, 125 кусков адраса, 10 кусков ситцу русского и другое»²².

Как видим, в документах неоднократно фигурируют товары русского производства, что говорит об активной роли среднеазиатских купцов в торговле России с Восточным Туркестаном.

Из архивных источников следует, что многие азиатские купцы вместе с семьями в течение десятков лет проживали в Кашгаре. Так, в прошении купца Кадир Бердиева отмечается, что он с семьей свыше 35 лет жил в Кашгаре и вел торговлю с Семиречьем, отправляя туда мату и получая оттуда красный (беспошлинный) товар²³.

Все эти данные убедительно подкрепляются сведениями исследователей, побывавших в Кашгаре и обративших внимание на активность там среднеазиатских купцов. В частности, Ч. Ч. Валиханов писал: «Жители Маргелана, самого замечательного города в Коканде по своим мануфактурным произведениям, преимущественно ведут торговлю с Кашгаром. Вообще торговля Восточного Туркестана находится в

¹⁴ Там же, л. 8а.

¹⁵ Там же, оп. 11, д. 827, л. 10об.

¹⁶ Там же, л. 14а.

¹⁷ Там же, л. 11а—12а.

¹⁸ Там же, ф. И-19, оп. 1, д. 1964, л. 33 об.

¹⁹ Там же, л. 44 об.

²⁰ Там же, л. 1—37 об.

²¹ Там же, л. 87а.

²² Там же, л. 376а.

²³ Там же, л. 71а.

руках кокандцев и бухарцев, которые все торговые операции обращают на приобретение чая»²⁴.

Как видно из приведенных документов, архивные источники содержат богатый материал, о коммерческой деятельности среднеазиатских купцов, в том числе их посреднической роли в торговле России и Восточного Туркестана во второй половине XIX в.

М. Ю. Юнусходжаева

²⁴ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 3. Алма-Ата, 1985. С. 203.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ФИЛОСОФСКОЕ НАСЛЕДИЕ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И БОРЬБА ИДЕЙ

(Ташкент: Фан, 1988. 192 с.)¹

Книга посвящена исследованию актуальной в условиях современной идеологической борьбы проблемы отечественного философского наследия. Главная особенность, отличающая данную работу от других публикаций по истории философии Средней Азии, состоит в том, что в ней впервые этот вопрос специально рассматривается под углом критики буржуазных трактовок и фальсификаций философского наследия среднеазиатских народов. При этом у всех авторов включенных в сборник работ имеется соответствующее знание источников среднеазиатской философской мысли и конкретных представителей современной и исторической буржуазных критических концепций и школ по данному вопросу.

Работа построена по принципу тематического сборника. Каждый его раздел раскрывает одну из проблем, а в целом они выстраиваются в стройный ряд, отражающий название и цель книги в целом.

Открывает сборник раздел А. М. Джалалова «Гегель и идейная борьба вокруг философского наследия народов Востока». Наряду с раскрытием той важной роли, которую сыграл великий немецкий философ, привлекая внимание к философской мысли Востока, автор убедительно показывает значимость философского наследия народов Средней Азии и Среднего Востока, его оригинальность и богатое содержание.

А. Д. Шарипов в разделе «К анализу некоторых зарубежных концепций онтологических систем среднеазиатских мыслителей» обращается преимущественно к трудам западноевропейских буржуазных и восточных традиционалистских и прогрессивных концепций, а также к марксистско-ленинской теории. Здесь справедливо подчеркивается, что европейская буржуазная историография и историко-философские направления религиозно-мистической ориентации в странах зарубежного Востока, несмотря на определенные результаты в исследовании конкретных проблем, дают искаженную картину разработки данных вопросов в философии Средней Азии. Раскрыть несостоятельность таких концепций можно лишь на основе марксистско-ленинской методологии.

Р. Н. Насыров в разделе «Прогрессивные идеи мыслителей раннесредневековой философии Средней Азии о связи чувства и мышления в познании и критика их фальсификаций» анализирует гносеологические взгляды Фараби, Беруни, Ибн Сины и других мыслителей, прослеживая их концептуальные позиции в противовес некоторым мистическим суждениям Газзали. На примере подходов различных буржуазных авторов раскрывается методологическая несостоятельность их оценки вклада и роли прогрессивных мыслителей Средней Азии, разоблачается стремление зарубежных фальсификаторов приспособить новые веяния к требованиям и традициям ислама, которые они объявляют «незаменимым импульсом», «внутренним источником» всякого обновления общества.

А. Закидов посвятил свой раздел критике буржуазных интерпретаций свободомыслия народов раннесредневековой Средней Азии. На основе идей Ф. Энгельса о жизнерадостном арабском свободомыслии периода средних веков он дал тщательный анализ концепций ученых раннего средневековья и критических оценок их в трудах современных зарубежных исследователей.

Освещению малознученного этапа философского наследия среднеазиатских мыслителей XIV—XV вв. в оценках зарубежных исследователей посвятил свой раздел Х. Аликулов. Он подчеркивает, что многие зарубежные авторы оценивают мыслителей Средней Азии и Ирана указанного периода как якобы активных защитников ислама. Х. Аликулов выступает против попыток буржуазных ученых стран Ближнего и Среднего Востока игнорировать научные и философские достижения среднеазиатских народов, приписывая их арабской или иранской культуре, затушевывая тем са-

¹ Авторский состав: А. М. Джалалов, А. Д. Шарипов, Р. Н. Насыров, А. Закидов, Х. Аликулов, Е. А. Полякова, З. Ишмурадова, Т. М. Рамазанов, Г. Ширматов и Э. Хакимов. Отв. редактор — чл.-кор. АН УЗССР М. М. Хайруллаев.